

ЗАМЕТКА К ПУШКИНСКОМУ «ВЫСТРЕЛУ»¹

Вслед за тем как персонаж, фигурирующий под условным именем Сильвио, открывает повествователю свою тайну («Шесть лет тому назад я получил пощечину, и враг мой еще жив»²) и водружает на голову простреленную «красную шапку с золотою кистью с галуном» («памятник нашего поединка»), он пускается в воспоминания. Вот начальный фрагмент его монолога, составляющий отдельный абзац:

[1] «Вы знаете», продолжал Сильвио, «что я служил в *** Гусарском полку. [2] Характер мой вам известен: я привык первенствовать, но смолоду это было во мне страстию. [3] В наше время буйство было в моде: я был первым буйном по армии. [4] Мы хвастались пьянством: я перепил славного Б***, воспетого Д. Д — м. [5] Дуэли в нашем полку случались поминутно: я на всех был или свидетелем, или действующим лицом. [6] Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно сменяемые, смотрели на меня как на необходимое зло...»

Уже известный читателю репертуар стилевых регистров Сильвио — в обществе офицеров он держался злоречивым угрюмцем, а наедине с повествователем «говорил <...> с простодушием и необыкновенною приятностию» — пополнен еще одним. Теперь Сильвио выглядит самозабвенным бахвалом, компрометирующим рассказ о собственных подвигах лишенным всякого вероподобия описанием полковой жизни (фразы [5–6])³, что подчеркнuto тавтологическим ходом: *поминутно* случались дуэли и *поминутно* сменялись командиры. Однако позерство в данном случае — не персональное свойство персонажа, но столь же неременная черта в облике «коренного гусара» начала XIX в., как и разгульное молодечество. Именно в этот период гусарской вольницы формируется ее легендарная история, ключевыми фигурами которой становятся два исторических лица, прозрачно зашифрованных в фразе [4].

¹ Подход к «Повестям Белкина», которому следует данная заметка, кратко описан в статье: Лямина Е., Назарова Н., Осоват А. К изучению прозы Пушкина // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII. Новая серия. Тарту, 2009. С. 128–141.

² Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П. СПб., 1831. С. 14. (Цит. по репринтному воспроизведению: Пушкин А. С. Повести Белкина / Научное издание. М.; 1999). Здесь и далее цитаты из повести даются по этому изданию.

³ См.: Бегунова А. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М., 2000. С. 87–88.

Давно установлено, что здесь подразумеваются два послания Дениса Давыдова, обращенные к его сослуживцу по Белорусскому гусарскому полку. Приведем по катрену из каждого:

Бурцов. Призывание на пунш

Бурцов, ёра, забияка,
Собутьльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посети домишко мой!⁴

Бурцову

Бурцов, ты — гусар гусаров!
Ты — на ухарском коне —
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!⁵

Оба стихотворения, сочиненные в 1804 г., увидели свет только в 1832 г. (уже после выхода «Повестей Белкина»), но в промежутке между этими датами они циркулировали во множестве списков, обеспечив провинциальному армейскому офицеру⁶ статус символической фигуры. «О Б<урцов>, Б<урцов>! Честь гусаров, / По сердцу Вакха человек!» — такую формульную характеристику того, в чью чашу ему не удалось ударить своею, Вяземский ввел в послание Давыдову («К партизану-поэту»), опубликованное в 1815 г.⁷

⁴ Давыдов Д. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Э. Вацура. Л., 1984. С. 56.

⁵ Там же. С. 57–58.

⁶ Биографические данные об Алексее Петровиче Бурцове можно суммировать в краткой сводке. Он родился в 1779 г. (т. е. был пятью годами старше Давыдова), военную службу проходил с 1795 г., в Белорусском гусарском полку — с 1803 г. В 1805 г. липецкий городничий П. Т. Бурцов огорчился поведением сына, «величайшего гуляки и самого отчаянного забуддыги из всех гусарских поручиков» (говаривали, что «однажды въехал он на коне в жилые покои своих родителей с требованием денег»), но между тем его офицерский формуляр, в котором отмечено участие в сражениях, не содержит никаких порочащих записей. В декабре 1807 г. он — «за болезнь» — в чине капитана перешел в Саратовский гарнизонный батальон, а в 1809 г. уволился «с мундиром». В 1810 г. Бурцов снова зачислен в Белорусский гусарский полк. Согласно полковым рапортам, он проболел почти всю кампанию 1812 г.; по сведениям Аполлона Марина (его троюродного брата), он умер от ран, полученных на поле боя; по рассказу же, записанному П. И. Бартевым (его племянником), кончина Бурцова последовала в 1813 г. в Брест-Литовске «вследствие пари, заключенного в пьяном виде»: «наскакал со всего бегу на околицу и раздробил себе череп». См.: Бегунова А. Указ. соч. С. 90–91; Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 74 и 706 (коммент. Б. М. Эйхенбаума); Русский архив. 1889. № 3. С. 401 (примеч. П. И. Бартевева); Давыдов Д. Стихотворения. С. 197 (примеч. 5); Марин С. Н. Полн. собр. соч. М., 1948. С. 456, 485, 488 489 (коммент. Н. Н. Арнольда).

⁷ Вяземский П. А. Стихотворения / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; сост., подгот. текста и примеч. К. А. Кумпан. Л., 1986. С. 76.

Послания Бурцову Пушкин прочел еще в лицейские годы (за несколько лет до личного знакомства с их автором, состоявшегося в декабре 1818 г.), и позднее он едва ли оставил без внимания первое печатное указание Давыдова на адресата его гусарской лирики. Напомним, что с 1821 г. в дружеском кругу получила распространение начальная редакция автобиографии Давыдова, написанной от третьего лица⁸, а в 1828 г. «Некоторые черты жизни и деяний генерал-майора Давыдова» появились на страницах московского журнала «Русский зритель» — с предисловием М. П. Погодина, который, следуя полученному указанию, приписал этот текст некоему «тайнственному анониму», но с той оговоркой, что от «дальновидных и проницательных» читателей, наверное, не укроется «имя почтенного автора»⁹. Критики сразу разгадали маневр Давыдова, обеспечивший ему полную свободу в изображении собственных подвигов, и, как выразился современный исследователь, «взятая вне своего эстетического качества», автобиография «производила впечатление безудержного хвастовства»¹⁰.

Интересующее нас место выглядит следующим образом:

В 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющие ее ударами, принудили повесу нашего выдти в Белорусский гусарский полк, расположенный тогда в Киевской губернии в окрестностях Звенигородска. Двадцатилетний гусарский ротмистр закрутил усы, покачнул кивер на ухо, *затянулся, натянулся* и пустился плясать мазурку с Полячками.

В сие бешеное время он писал стихи своей красавице, которая их не понимала, и сочинил известный призыв на пунш Б...ву, который читать его не мог, от того, что сам *писал мыслете*.

В 1806 году, быв переведен в Лейб-гусарский полк поручиком, Давыдов явился в Петербург¹¹.

⁸ Мы не касаемся здесь последующей истории текста этого сочинения и его публикаций, которыми открывались оба поэтических сборника, подготовленных самим автором (см.: Давыдов Д. Стихотворения. С. 225–227, примеч. 96). Варианты последней редакции автобиографии напечатаны в кн.: Давыдов Д. Избранное /Вступ. статья, сост., коммент. А. А. Ильина-Томича. М., 1984. С. 37–51; Давыдов Д. Стихотворения. С. 125–130, 179–182 (сводка основных разночтений).

⁹ Русский зритель. 1828. Ч. I. № 1 и 2. С. 43.

¹⁰ Вацуро В. Э. Денис Давыдов — поэт // Давыдов Д. Стихотворения. С. 38. Обзор отзывов (развернуто процитированных) на публикацию 1828 г. см.: Орлов Вл. Судьба литературного наследства Дениса Давыдова // Литературное наследство. М., 1935. Т. 19/21. С. 301–302.

¹¹ Русский зритель. 1828. Ч. I. № 1 и 2. С. 46–47. Эту раннюю редакцию автобиографии Пушкин, возможно, знал и до ее публикации — по одному из ходивших списков, от которых до нас дошел фрагмент, озаглавленный «Некоторые объяснения на послужной список генерал-майора Дениса Давыдова» (Русский архив. 1889. № 3. С. 399–403).

То, что зачин монолога Сильвио спроецирован на приведенные строки, кажется очевидным. Во-первых, задается возможность соотнести *** *Гусарский полк* с Белорусским гусарским полком, квартировавшим в Киевской губернии¹², где офицеры проводили время в обществе «полячек» (см. далее в рассказе Сильвио: «... однажды на бале у Польского помещика, видя его предметом внимания всех дам, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною в связи...»)¹³. Во-вторых, читателю «Выстрела» сообщен хотя бы приблизительный хронологический ориентир: период гусарской службы Сильвио, который завершается его столкновением с «молодым человеком богатой и знатной фамилии» (в дальнейшем он будет именоваться «Графом Б**») и выходом в отставку, приходится на середину — вторую половину 1800-х гг.¹⁴ В-третьих же, между Сильвио и субъектом автобиографии обнаруживается любопытное сходство. Оба они *перепили славного Б****, и разница лишь в том, что первый объявляет об этом прямо (фраза [4]), а второй прибегает к иносказаниям и каламбурам: «натянувшись», как полагается гусару¹⁵, он и в «сие бешеное время» не утратил способности к сочинительству, свысока поглядывая на приятеля, который уже не мог управлять своей походкой («писал мыслете»¹⁶) и тем более прочесть обращенный к нему «призыв на пунш».

Возникающая таким образом аллюзия Сильвио на Дениса Давыдова подходит под определение игры с «литераторским прототипическим подтекстом», предложенное в работе Ф. Н. Двинятина¹⁷, и весьма по-

¹² Название уездного города — Звенигородка, а не Звенигородск; эта опечатка, допущенная в тексте «Русского зрителя», исправлена во всех позднейших публикациях автобиографии.

¹³ Ср. среди прочего в мемуарах И. Р. Дрейлинга, в 1811 г. служившего в Малороссийском кирасирском полку, который стоял в Богуславе Киевской губернии: «Всю осень и всю зиму мы провели очень весело <...>. На <...> балах бывало очень оживленно, чему немало способствовал флирт с хорошенькими польками...» (1812 год: Воспоминания воинов русской армии / Из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1991. С. 368).

¹⁴ Это, кстати говоря, соответствует расчетам, произведенным Л. П. Гроссманом (Исторический фон «Выстрела» // Гроссман Л. Цех пера. М., 1930. С. 234) и Е. А. Тудоровской (Время «Повестей Белкина» // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1973. С. 220–221). Датировка «первой дуэли» Сильвио и графа Б** 1814 или 1815 г. (см.: Коджак А. О повести Пушкина «Выстрел» // Мосты. 1970. № 15. С. 194; Шварцбанд С. История «Повестей Белкина». Иерусалим, 1993. С. 85–86) — плод недоразумения.

¹⁵ См. в стихотворении «Решительный вечер гусара»: «А завтра — черт возьми! — как зюзя натянуся...» (Давыдов Д. Стихотворения. С. 83).

¹⁶ Мыслете — название буквы «М» в славянской азбуке.

¹⁷ См.: Двинятин Ф. Н. Об одном возможном случае прототипического подтекста: персонажи Гоголя и литераторы // Текст и комментарий: Материалы круглого стола к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 2006. С. 167–183. Ср. также более раннюю работу: Чудакова М., Тодес Е. Прототипы одного романа // Альманах библиофила. Вып. X. М., 1981. С. 172–190.

казательно, что в рассматриваемом фрагменте эта игра немедленно получает продолжение. В ее поле вовлекается Александр Бестужев (Марлинский), автор повести «Вечер на бивуаке», откуда взят второй эпиграф к «Выстрелу». Дуэльная тема, слегка лишь обозначенная в автобиографии Давыдова, развернута во фразе [5]:

Дуэли в нашем полку случались поминутно: я на всех был или свидетелем, или действующим лицом, —

с прямой отсылкой к социальной репутации штабс-капитана лейб-гвардии Драгунского полка, засвидетельствованной показанием Федора Глинки на следствии по делу 14 декабря:

Александр Бестужев человек с головою романическую, был из числа моих, так сказать, *встретных* знакомых. <...> Я ходил задумавшись, а он рыцарским шагом и, встретясь, говорил мне: «Воевать! Воевать!» Я всегда отвечал: «Полно рыцарствовать! Живите смирнее!» — и впоследствии всегда почти прослышивалось, что где-нибудь была дуэль, и он был секундантом или участником¹⁸.

Отмеченное совмещение в облике Сильвио *давыдовского* фанфаронства и *бестужевской* бравады — одна из тех мимолетных, калейдоскопически мелькающих ассоциаций, которые работают на деструктуризацию главного героя «Выстрела». В следующем абзаце его речевая маска резко меняется:

Я спокойно (или беспокойно) наслаждался моею славою...

¹⁸ Восстание декабристов: Документы. Т. XX. М., 2001. С. 105.

НЕ

*Музыкальное
Приношение,*

ИЛИ

Allegro affettuoso

Сборник статей
к 65-летию Бориса Ароновича Каца

Редакторы-составители:
*Александр Долинин, Илья Доронженков,
Людмила Ковнацкая, Наталия Мазур*

Издательство
Европейского университета в Санкт-Петербурге
2013